

16+

Дмитрий Гроссман

Когда река стала
красной

Дмитрий Гроссман

Когда река стала красной

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Гроссман Д.

Когда река стала красной / Д. Гроссман — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Что значит любить? Для каждого это слово имеет своё объяснение. От него нужно отказаться, чтобы любить и быть любимым? Любовь часто является жертвой и ставит перед выбором, приносящим душевную боль. И важно в этой истории только одно - собственное счастье, желание и понимание, что два сердца обязаны быть одним.

*В темноте светила роза
Своими алыми лучами,
И кровавые рассветы
Небо полно заслоняли...*

Глава 1

Во вторник, Татьяна Константиновна встала рано. Раньше, чем было всегда. Как всегда она сразу пошла к образам. Помолилась, а потом, одевшись в пышное платье, по двору пошла, проверять всё. Она каждое утро выходила из дома и гуляла по усадьбе.

Дом был большой, красивый (двухэтажный желтоватый фасад, большие и маленькие окна, под крышей располагался чердак, где хранились уже давно не нужные вещи, одиннадцать разных комнат, четыре из которых были жилые, остальные же прислуживали как библиотека, кабинет и другие), с коридорами между комнатами. Большая усадьба, которую купил когда-то её муж – нынче Татьяна вдова – и перевёз семью сюда. За домом расстился сад, с двумя яблоньками, грушами и несколькими кустами вишни. Три ели и несколько видов цветов, которые в летнее время отдавали душистым сладким запахом. Татьяне всегда казалось, что деревья посажены по какой-то правильной схеме. Она не раз обращалась к супругу с таким вопросом, но тот только говорил, что эти растения специально так посажены. Это было для Татьяны Константиновны странным. Но в принципе ей это было не очень интересно, её больше занимали разные цветы, которые она привозила с собой из Франции, Англии и Польши. Татьяна очень любила розы и орхидеи, поэтому у неё этих цветов было больше всего. Весь сад был изложен каменными дорожками, которые подводили к цветам, деревьям и небольшому пруду. Вся эта красота была видна из окна комнаты Татьяны, и она часто, сидя в кресле и взяв что-то, смотрела на красоту летнего зелёного сада, а зимой на усыпанные снегом сухие ветки яблонь и груш, на расчищенные дорожки, и на заснеженные ели. Перед домом всегда было чисто и убрано. А всю усадьбу окружал каменный забор. От этого во двор был внесён уют и спокойствие. Её дочь, когда ещё была маленькой, часто играла со своими подружками во дворе перед домом. Татьяна Константиновна наблюдала за ними и умилялась, вспоминая себя в детские годы и видя свою дочурку. Но теперь её дочка, Наташа, выросла и не бегает босыми ножками по зелёной траве. Ах, как же было хорошо тогда.

Татьяна Константиновна вышла из дома и сразу направилась гулять по саду. Для неё был важен и нужен чистый и свежий утренний воздух, именно поэтому она и выходила. Этим июльским летом цветы пахли ещё слаще и сильнее, что очень нравилось женщине, и пчёл прилетало больше. А их-то Татьяна и не любила, потому что в детстве одна из них её сильно ужалила, и тем самым напугала. Пройдя ещё несколько шагов, по виляющей дорожке, и смотря на пожилые растения, Татьяна встретила Фросю. «Отчего она так рано поднялась-то? – подумала женщина. – Я ведь не велела так рано». Фрося, девушка лет двадцати девяти. По старому знакомству с её родителями, Татьяна Константиновна, когда они умерли, взяла сиротку к себе на работу гувернанткой. Как раз в эти времена, когда Фрося пришла в дом Боженых, родилась Наташа, и Фрося принялась за ней следить, учить и играть с ней, когда ей было одиноко. Когда Наташа подросла, и воспитание стало почти уже не совсем нужным, то сиротка стала прислужницей. Фрося стояла около цветов (на ней было надето светлое старенькое платье, с короткими рукавами и средней юбочкой, по низу которой была бахрома), и поливала их, а вокруг них кружили пчёлки. Татьяна подошла к девушке, поотмахивалась от нескольких насекомых и сказала ей:

– Полно, Фрося – добрым, спокойным голосом говорит Боженова, – я сама потом займусь ими. Поди лучше завтрак приготовить.

– Да что вы, Татьяна Константиновна, – так же говорит Фрося, держа леечку в руках, – недолго уже осталось. Я сейчас тюльпаны полью и сразу за завтрак примусь. Я сейчас, сейчас.

Боженова не стала отвечать, хотя она никому обычно не доверяла свои цветы, а только улыбнулась губами и пошла обратно в дом.

Двери в доме закрывались с коротким тяжёлым скрипом и с глухим щелчком. Татьяна медленно поднялась на второй этаж и направилась в кабинет, который раньше принадлежал её супругу. Она вошла в комнату, прошла к столу и села за стол. В эту комнату очень редко кто заходил из жителей дома. Татьяна всегда говорила Фросе, чтобы она не протирала здесь пыль, не убирала паутину, и вообще не убиралась и не заходила в эту комнату. Здесь оставалась частичка души Боженова. Всё, что они сейчас видят, где живут и как – всё это заслуги отца и мужа. Боженков был богатый купец, потом стал предпринимателем и работал сам на себя. У него была своя контора, пара ресторанчиков в разных частях Петербурга и знакомые люди в высоком присутствии. Он сам сделал себе известное по городу имя, и зарабатывал на всю семью.

Татьяна Константиновна сидела на старом деревянном потемневшем стуле и смотрела на запылённый рабочий стол. Со дня смерти супруга, здесь ничего не изменилось. Всё осталось на своих местах: перья, карандаши, бумаги, папки, старые шкафчики, один комод и даже шторы были не тронуты ни чьей рукой. Это было только его место, где он проводил за бумагами и работой больше всего времени. Боженков мог проводить в кабинете по несколько часов, но при этом он не показывал ни вида усталости и ненависти к своим делам и его окружению. Всё, что его раздражало, и всё, что его злило, он оставлял в пределах своего кабинета.

– На кого же ты нас оставил, Виктор Александрович, – говорила Татьяна, вспоминая мужа и все события, которые они переживали вместе. – Как же нам теперь жить. Вот деньги закончатся, что нам делать будет потом? Кто ж нам поможет-то, Виктор. Кто ж меня теперь на работу какую возьмёт, да и что с дочкой делать? А что если я помру? Что потом ей-то делать? За мной, с голоду, уйдёт, если вместе не...

Тут Татьяна Константиновна заметила, под большой папкой, обвязанной грубой бордовой нитью, какой-то конверт, выделяющийся из общей обстановки, который даже не был покрыт пылью. Она аккуратно, тихонечко вытянула заметный конверт и посмотрела на него. На конверте было написано: «После моей смерти, любимой жене Татьяне». Как же странно, подумала женщина. Она осмотрела со всех сторон этот конверт, но больше ничего не обнаружила. Тогда она осторожно открыла его и вынула свёрнутый, в три раза, пожелтевший листок. Татьяна развернула лист и стала читать: «Дорогая Татьяна. Я знаю, что сейчас читаешь это письмо, которое я специально написал для тебя. Да, сейчас меня уже нет рядом с вами, но знайте, что я вас так не оставил. Весь нажитый за долгое время наш капитал, вскоре может закончиться, но на моём банковском счету есть ещё некоторая сумма денег, которая вам очень поможет. Все бумаги, по которой вы сможете забрать деньги, ты найдёшь в моём столе. Правый нижний ящик. Я закрыл его на ключ, ты его возьмёшь под статуэткой богини правосудия. После, как только придёт время, отправляйся за суммой денег. Знайте, что я вас всех очень люблю. И Фросю, и тебя, и мою дочурку Наталью. Я вас люблю и пожелаю счастья. С любовью, отец и муж, Виктор Александрович Боженков». Под текстом шла длинная роспись.

От прочитанного Татьяна Константиновна прослезилась и одновременно улыбалась губами. Она бы сейчас высказала все-все слова благодарности за благородный поступок своего супруга. Женщина сложила лист обратно, сложила его в конверт и положила его в первый ящик стола. Татьяна встала, глубоко вздохнула и вышла из кабинета мужа. К этому времени уже проснулась Наталья.

Глава 2

Наташа потянулась в кровати, приоткрыла глаза и посмотрела в свежее утреннее окно. Она поднялась, накинула халатик и подошла к зеркалу. Ещё с утра волосы были растрёпаны, однако это ни сколько не расстраивало и не пугало девушку, наоборот, она всегда была рада

своей молодой внешности, и всегда улыбалась при виде себя в отражении зеркала. Она взяла бабушкин гребешок и расчесала им свои волосы. Её шелковистые, русые, славянские волосы, теперь были прямые и ухоженные. Наташа не торопясь заплела косу и оделась в лёгкое белое длинное платье с пышными рукавами.

Наталья подошла к окошку и отодвинула прозрачный тюль. В комнату ворвался белый свет. Восход был с другой стороны от дома, и поэтому лучи солнца не попадали в комнату Натальи. Девушка приоткрыла окно. Потянуло свежим прохладным ветерком. Ах, как хорошо, подумала Наталья. В её глубоких синих, словно тихий океан, глазах отразился сад, тропинки и вся природа их заднего двора усадьбы.

Наташа застелила кровать и быстренько вышла из дома навстречу новому дню. Как только она вышла из своей комнатки, то не заметила, в нескольких шагах от себя, мать. Она наткнулась на неё, но они не стали ругаться, хотя Татьяна Константиновна этого не одобряла. Для женщины важным было хорошее воспитание.

– Ах, маменька, простите, – заговорила, своим ангельским тёплым голоском, Наташа. – Какой чудесный день, словно сегодня должно что-то произойти!

– Полно, Натали. Что это ты такое выдумываешь? – Мать называла её на французский манер. – Что сегодня может такого важного произойти-то? Мне кажется, это обычный день, как и все остальные, – сказала ей мать. Раньше её голос тоже был небесным, но со временем и возрастом чуть потускнел.

– Но Вы же не знаете, что случится завтра!

– И ладно, пусть «завтра» будет завтра, а жить мы будем сегодня, Натали. Да и помнишь ли ты, что сегодня придёт господин Штраус? Может быть, ты это имела в виду? – Татьяна усмехнулась, а дочка ничего не ответила.

Господин Штраус, не тот, который композитор, был учителем немецкого и французского языка для Наташи. Виктор Александрович, её отец, нанял его для обучения дочери, тот, конечно же, согласился. Уж как же откажешь, когда будут платить не плохие деньги. Сам господин Штраус, отлично знал немецкий, так как по происхождению своему, он австриец, а французский, потому что несколько лет прожил в Париже. Там он так же преподавал немецкий язык. Он всегда приезжал летом в Россию (особенно он любил Петербург), а в остальные сезоны года уезжал обратно в Австрию. Виктор Александрович познакомился со Штраусом, когда был на одном из балов, который устраивала богатенькая семья из высшего общества. Штраус человек уже не молодой, лет так примерно на пятьдесят, – почти ровесник Татьяны, – его выдавала седая короткая борода и волосы, и очки в тонкой оправе. Сам он всегда одевался солидно и ходил с папкой для учебников и бумаг.

Натали пропустила мать вперёд, которая пошагала спокойно и статно, а сама пошла в гостиную, на первый этаж. Девушка присела на большой мягкий диван, на столике она увидела газетку, взяла её и стала читать. В это время в дом вошла Фрося. Наташа заметила её и сказала:

– Ефросинья Дмитриевна...

– Да что Вы, Наталья Викторовна, – сразу перебила её Фрося, но голоса не повысила. Она всегда была смиренная и починалась в работе. Грубость для неё было дикостью, а это было ещё одно достоинство, за которое Татьяна Константиновна взяла её, – называйте меня просто Фрося. К чему так-то? Я же не... – тут она замялась.

– Не кто? – Дружески спросила Наташа, не сводя с неё глаз.

– Нет, ничего, Наталья Викторовна, я не такая. – Ответила гувернантка и направилась в сторону кухни.

Наташа не поняла, что Фрося имела в виду, она снова окунулась в напечатанный текст петербургской газеты. Фрося же мысленно договорила: «Не такая, как Вы». Через два часа уже должен был прийти господин Штраус, и Наташа дожидалась его. Обычно он приходил к ним по вторникам, четвергам и субботам, к двенадцати часам дня.

Завтрак, спустя десять минут, уже был готов. Гувернантка всё делала быстро и хорошо. Фрося позвала Татьяну Константиновну и Наталью, и все пошли к завтраку.

– Какой сегодня день? – Вопросительно, но умеренно, спросила Татьяна Константиновна за столом, смотря в свою тарелку и отрезая кусочек жареного мяса.

– Среда, Татьяна Константиновна. – Ответила ей Фрося из-за шторки. Она протирала окно.

Тишина.

– Маменька, не хотите ли Вы сегодня прогуляться по Невскому? – Осторожно поинтересовалась Наталья. Она часто гуляла с матерью по Невскому проспекту в детстве, когда была чуть помладше.

– Ах, Натали, – Татьяна посмотрела на дочь, – как же мы можем пойти в город, когда скоро придёт...

– Да знаю я! Знаю! – Лицо девушки вдруг стало печальным.

– Натали! – Вскрикнула Татьяна. За столом, с такими манерами? Женщина это совсем не понравилось такое поведение дочери. – Сегодня ты никуда не пойдёшь. Может, завтра.

Наталья молчала и смотрела в стол. Перечить матери она не могла. Но ей совсем не хотелось, в такой день, сидеть дома. Девушка перевела взгляд вверх, а потом в окно, за которым тянулась с тряпочкой в руке наверх Фрося. Гувернантка медленно опустила руку и посмотрела в окно. «Кажется, к нам кто-то пожаловал» – сказала она и вышла из-за шторки. Она быстро прошагала из кухни в гостиную, а потом вышла из дома и направилась по тропинке к воротам. Татьяна Константиновна отрезала ещё кусочек мяса и положила его в рот. Она переводила взгляд с блюда на дочь, и с дочери обратно на блюдо. Манеры воспитания. А она учила свою дочь им. Всё как в высшем обществе, чтобы Натали могла попасть туда и жить хорошо. Не о чём не переживать. Мечтой, Татьяна Константиновны, была возможность, чтобы вывести дочь в лучшие, в светлую жизнь.

Наталья встала из-за стола и быстро пошла к лестнице, ведущей на второй этаж. «Куда ты?» – спросила её Татьяна, но дочь ничего не ответила. Она опустила голову вниз и даже не посмотрела на мать. Татьяна положила нож и вилку на стол, тяжело вздохнула носом и закрыла глаза. Да, нужно было сказать по-другому. В это время в дом вбежала, с улыбкой на лице, Фрося. Татьяна Константиновна посмотрела на неё, и Наталья тоже остановилась на второй ступеньке и повернула голову. «К нам едет Борис Владимирович!» – громко сказала Фрося. Наталья тихо, с пустыми глазами, произнесла: «Романов», а Фрося, как-то смогла услышать её и только хотела ответить согласием, но в это время со стола, где сидела Татьяна Константиновна, упала ложка. «Ой!» – вскричала, от неожиданности, женщина, а в это время к ней уже бежала гувернантка Фрося.

Глава 3

К двенадцати часам пришёл господин Штраус. Татьяна Константиновна поприветствовала его у входа и пригласила присесть на диван. Женщина сходила за дочерью, которая не хотела спускаться на урок, но мать её всё же привела. Урок начался. Татьяна вернулась к разговору с Романовым, в руках он держал снятый с головы котелок, который пришёл за полчаса до Штрауса.

Романов был человеком известным на весь Петербург и на некоторые районы Москвы. Он часто появлялся на званых балах, даже когда и вовсе не хотел идти, и приходил тогда, когда его не звали, а таких случаев было очень мало. Его общество составляло большое количество известных людей, людей из элиты двух городов, пяти иностранцев друзей и нескольких из обычных торговых богатых магазинов. Романов был младше Татьяны на одиннадцать лет. Романов познакомился с Виктором Александровичем Боженковым в одном из магазинов, когда Борис зашёл к своему другу, а там оказался Виктор. Отчего-то они начали разговаривать, и их

маленький разговор перерос в тёплое дружеское общение. С тех пор он и знает семью Боженых.

– Да что Вы, Борис Владимирович, – засмушалась, мало заулыбалась Татьяна Константиновна, – для чего же нам к вам переезжать? Посмотрите, какой у нас дом. Уж не хотите ли Вы сами к нам переехать?

Романов засмеялся. Они вместе сидели в кухне.

– Ох, Татьяна Константиновна, – даже голос у Романова был солидный и важный, – пожалуйста, мы останемся в своих домах. Да, а усадьба у вас просто прекрасная – Он быстро оглядел интерьер кухни и захватил гостиную. – Виктор Александрович постарался за свою жизнь.

В это время Татьяна сбросила свою улыбку, она чуть опустила голову и глаза. Романов это заметил:

– Простите. Я не хотел ворошить прошлое.

– Нет-нет, – она быстро подняла глаза на него и выпрямилась, – ничего. Не думайте об этом. – Она попыталась вернуть улыбку, но это получалось с трудом. Виктор был единственным супругом за всю её жизнь, и ей было тяжело отпустить и потерять его.

К ним подошла гувернантка Фрося и предложила чаю. Романов поинтересовался, есть ли у них кофе (он любил этот напиток, особенно когда он крепкий), но его не оказалось, но Романов не отказался и от чая. «А давайте выйдем в беседку, что в саду. Вы знаете, как я излюбила то место. Какой там воздух, а вид-то» – сказала Татьяна Романову. Борис подумал, согласился. Татьяна попросила Фросю принести чашки с чаем в беседку.

Наталья всё время, что сидела на диване и учила французский, смотрела на мать и гостя. Романов приезжал к ним чуть ли не каждый день. Бывало через день, через неделю, а бывало что и во все семь дней. Его приезды начинали надоедать Наташе, да и вообще она не жаловала этого старого мужчину. И чего он только приезжает к ним? Своего дома, что ли нет? И общество и работа, и поездки разные, а к ним он всё ходит и ходит. Для чего? Об этом раздумывала Наталья, пока господин Штраус читал предложения на французском, чтобы потом девушка его перевела. Она видела в окно, как её мать взяла его под руку и они медленно проплыли в сторону сада.

– Пожалуйста, переведите это предложение, Наталья Викторовна, – Штраус говорил не без врождённого акцента, а когда он говорил на русском, его было слышно ещё лучше, чем на родном ему. Но девушка, будто его не услышала. Она смотрела в окно. На диване она сидела собрано и занимала очень мало места. – Наталья Викторовна, – позвал его Штраус, – попрошу перевод. Я работаю на результат от наших уроков. Мне кажется, в наше время очень важно и нужно знать иностранные языки, особенно когда их больше, чем один.

– Ах, простите, господин Штраус, – Наталья взглянула на папки и книги, лежащие на низком столике перед диваном, – я бы перевела, но, простите, не поняла некоторые слова. Вы говорили быстро.

– Наталья Викторовна, Вы случайно не заболели? – Спросил Штраус и, не много наклонив голову, посмотрел на её лицо снизу вверх. – Вы как-то бледны.

Девушка прислонила левую руку к голове, нахмурила брови и закрыла глаза.

– Да, господин Штраус, я как-то неважно себя чувствую. Простите меня, – пыталась она сказать глухим голосом, имитируя выдуманную болезнь.

– Не извиняйтесь, – вернулся в прежнее положение Штраус, – Вам нужно подлечиться, тогда и продолжим обучение.

Господин Штраус стал собирать бумаги. Наталья, продолжая держать руку около головы, следила за ним. Господин встал и направился к входной двери. Наталья быстро вскочила и побежала его проводить. Она ещё раз извинилась перед ним, а он снова сказал, что не стоит извинений. Он всё понимает, однако не знает, что она ничем и не болеет. Наташа проводила

его взглядом от двери до ворот, а когда они закрылись за ним, то она побежала в свою комнату. Из окна своей комнатки, девушка наблюдала, даже сама и не зная зачем, за матерью и гостем.

Боженова и Романов прошагали по дорожкам сада до деревянной светлой беседки, находящуюся почти у конца сада, которую построил когда-то её супруг Виктор. Беседка была круглая с лавочками около невысоких стенок, а в центре находился прибитый к полу такой же деревянный круглый столик. Всё это накрывала красивая резная крыша. Они сели рядом друг с другом. Татьяна положила левую руку на стол, а Романов, который сидел слева от неё, взял её своей и то слабо сжимал, то разжимал. Он переводил взгляд с деревьев и их рук на её лицо и дом. По Романову было видно, что он волнуется, но Татьяна этого то ли не замечала, то ли не хотела его успокаивать и замечать его состояние.

– Как продвигаются ваши дела, Татьяна Константиновна? В наше-то время дела и заботы – главное. Как-никак, а восемьсот тридцатый год. – Сказал Романов, продолжая бегать глазами по окружению.

– Ах, да какие дела-то у нас, Борис Владимирович, забот больше, – Боженова знала, что и он знает, что никаких дел они не ведут, а живут на оставшиеся деньги. – Если б хотя бы я работала или Наташа.

– Кстати, как Натали? – Спросил Борис. Он предпочитал называть её так, как называет её мать. – Как учёба?

– Иностранные языки учит ладно. Нам хотелось найти других учителей, но как мы будем потом платить? Учёба нынче дорогая.

– А давайте Натали поедет учиться в Москву? У меня там есть квартира, почти в центре, а оплачивать Вам не придётся, – сказал Романов, и на его губах появилась улыбка. Руку Татьяны он не отпускал.

Татьяна Константиновна смутилась, немного покраснела, покосилась в другую сторону от него, а потом медленно произнесла:

– Что Вы, Борис Владимирович, – она набирала больше воздуха в лёгкие, чтобы не бояться говорить и что-нибудь ответить на его предложение. Женщина посмотрела на Романова, – как я могу отпустить её в такую даль? Точнее, не столько даль, сколько в такой большой город, где происходит множество разных событий.

– Разве Петербург меньше, чем Москва? – Борис прямо посмотрел в её глаза.

Женщина не могла выносить такого взгляда. Она чувствовала, что Романов очень хочет помочь ей и Наталье, помочь дочери выбиться в хорошее общество, но чтобы так... Татьяна не знала, что и ответить. Стоит ей согласиться, и Романов тут же увезёт её в Москву, даст ей жильё, хорошее образование, и всё-всё, что она захочет. Женщина хорошо понимала, что тогда она станет сильно переживать за единственную дочь, и жить спокойно она уже не сможет. А стоит только отказаться, от такого заманчивого предложения, то он... хотя Татьяна не знала, что тогда будет.

– Петербург? – Переспросила она и посмотрела на их руки. – Нет, этот город не меньше, чем тот, – забрала свою руку и положила её на платье рядом с другой рукой.

Романов молчал. Она ждала, что он скажет её ещё.

– Вот видите. Вы же знаете, что ей там будет лучше, чем жить никем здесь. А образование? Она так молода, сильна, резва. Разве Вы хотите погубить всё это? Всю эту ангельскую красоту. Татьяна Константиновна, подумайте над этим ещё. Москва – хороший городок. А какие там люди!

Тут пришла Фрося с подносом, на котором блестели от солнца две фарфоровые чашечки с чаем на блюдечках. Она поставила чашки рядом с Татьяной и Борисом, и быстро ушла обратно в дом. Татьяна молча сидела и смотрела на ель. Романов взял чашечку за ушко, придерживая снизу, и отпил чуть-чуть чая.

– Кажется, я говорил про кофе, – сказал Борис и вернул чашку на стол. – Ваша гувернантка заварила очень крепкий чай.

Татьяна усмехнулась.

– Для чего Вы прислали нам письмо о приезде? – Она искоса посмотрела на него. – Обычно Вы никогда не делали так.

– Я подумал, так будет лучше. – Ответил Борис.

Она снова усмехнулась.

– Брали бы пример с Релицкого. Он никогда не говорит о своём приезде, как нагрянет внезапно. Так мы и принимаем, как родного.

Романов заметно смутился.

– Релицкий? Его отец ещё в правительстве работает, только вот не знаю кем, – он задумчиво смотрел на стол. – Слышал я о них. Хорошая семья говорят. И в деньгах не обижены. Я бы хотел познакомиться с ним. Слышал ещё, что он образованный молодой человек. Насколько он старше Натали?

– На восемь, – быстро ответила Татьяна и резко повернула голову на него. Борис замолчал. Они смотрела друг на друга. Их взгляды то встречались, то снова расходились. Татьяна снова опустила глаза и спросила: – Право Вы дадите ей хорошее образование и квартиру?

– Я, конечно, образования ей не смогу дать. Учителя в гимназиях. Не волнуйтесь, Татьяна Константиновна, – Романов слегка смущённо заулыбался. Но для чего ему было смущаться, ведь он так долго их уже знает? – сама Москва ей поможет.

Татьяна тоже посветлела. Взяла свою чашку с чаем и отпила. Она согласилась с мнением Романова, что напиток был крепко заварен.

Глава 4

Ночью, когда мать уже легла спать, а Романов давно ушёл, Наташа оделась в плотное синее платье с длинной юбкой и рукавами, на голову навязала тёмно-серый платок. Так она тихонько вышла из своей комнатки, оглядела коридор второго этажа, нет ли кого, и спустилась вниз. Дверь была уже так близко. Она поторопилась к ней, а когда уже взялась за ручку, её позвала гувернантка.

– Куда же Вы, Наталья Викторовна? – Фрося стояла между кухней и гостиной, в ночном платье, с железным подсвечником, в котором спокойно горела желтоватая свеча, в руке, а волосы были забраны в хвост сзади. – На ночь глядя-то, тем более.

Гувернантка была в удивлении. Она только догадывалась, что девушка куда-то уходит ночью, да и было это разве что два раза. А тут она видит её прямо здесь и сейчас, вот так. Фрося замерла и дожидалась ответа. Она уже начинала думать, что это ей всего лишь мерещится. Наташа отпустила ручку двери и легко и быстренько подплыла к Фросе. Наташа сложила свои руки вместе, словно хотела помолиться. Её глаза были просящими и грустноватыми.

– Фросюшка, уж не выдавай меня маменьке, пожалуйста. Прошу тебя. Разве же ты не знаешь куда я хочу пойти? – Сказала Наташа.

– Ах, Наталья Викторовна, – Фрося немного опустила свечу. Теперь их лица подсвечивались только снизу, – ну как же я Вас выдам? Я знаю, куда Вы собрались. Не беспокойтесь. Я сохраню это при себе. Никто и не узнает, даже и не догадается, что что-то было. Идите. Идите, Наталья Викторовна. Мне бы так, сбежать ночью из дому, да навстречу свежему ветру, луне и звёздам. – Её голос начал дрожать. Казалось, что она вот-вот заплачет. – Да как же! Нет и дома своего, а для чего мне бежать-то? Для чего же? Да, не такая у меня судьба, как у Вас, Наталья Викторовна. А как бы хотелось. Вот так, выйти и побежать! Наталья Викторовна, ну идите же. Скорее, пока нас не услышали. Не волнуйтесь не о чём.

Наташа обняла Фросю и тихо поблагодарила. Потом она снова подошла к двери, бросила взгляд на гувернантку, которая торопила её взглядом, и открыла дверь. Дверь чуть проскри-

пела, будто специально, но Наташу это не останавливало и даже не волновало. Она выбралась, наконец, из дома. Сбежала по ступенькам на землю и выбежала из их усадьбы. А Фрося, всё так же продолжая стоять между гостиной и кухней, сказала тихо: «Счастливая» и пошла спать.

Наташа ничего не ждала, и, кажется, не уставала куда-то бежать. Она пробежала мимо нескольких домов, пересекла малую часть ночного Петербурга, благо, что на улице было светло. А потом выбралась на какую-то малонаселённую окраину города. Мимо неё проходили люди, восемь человек точно она заметила, как они на неё поглядывали, когда она неслась неизвестно куда.

И только через полчаса, Наталья добралась до нужного ей места. Перед ней стоял старенький полузабытый дом. Этажа три, и часть из них пустовала. Девушка медленно вошла в запылённый подъезд и поднялась на второй этаж, в седьмую квартирку. Наташа робко и тихо постучала два раза. Её пульс участился, дыхание потеплело, кровь словно нагревалась. Она не столько устала от своего короткого путешествия, сколько ждала ответа из-за старой деревянной выцветшей двери. Она прислонилась к двери головой и закрыла глаза. Никто не отвечал. Девушка постучала ещё три раза, и на этот раз сильнее.

Кто-то зашаркал за дверью. Наташа подняла голову и ждала. Дверь открылась. Перед ней стоял молодой человек. Не очень хорошо был одет; во что-то старенькое. Лёгкая рубашка, широкие поношенные брюки и тапочки.

– Наташа, – просиял паренёк. – Как же я рад тебя видеть!

Он бросился к ней и обнял её. Она отвела тем же. Он, обнимая, поднял её в воздух и занёс в квартирку. Вернул на пол. Наташа и паренёк прошли в маленькую комнату. В гостиную-кухню. Была всего она комната, без балкона, лишь одно деревянное потемневшее окно, старый престарый диван, стул и стол. Паренёк жил не богато, даже очень.

Наташа не хотела садиться, она стояла напротив него и смотрела в его глаза. Он стоял так же и смотрел на неё. Их взгляды были связаны. Она стянула с себя платок и бросила его на диван. Её волосы тут же упали на плечи. Он взял её за руки. Тепло, мягко, приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.